

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ М.А. БУЛГАКОВА
В ПИСЬМАХ К РОДНЫМ

О, ёлочный дед наш,
сверкающий снегом и счастьем!
Мама, светлая королева, где же ты»
(М. Булгаков «Белая Гвардия»)¹

Испокон веков эпистолярный жанр всегда стоял на рубеже литературы и быта. Во все времена существовала как сугубо частная переписка, так и переписка, изначально имевшая (или со временем) приобретающая значение культурного факта для своей эпохи. Эпистолярное наследие М.А.Булгакова, ставшее всеобщим достоянием в конце 80-х годов прошлого века, не только правдивое отображение общественно-политических и литературных взглядов писателя, но ещё и живое свидетельство стремлений и чаяний особого круга людей: самых близких родственников, диалог с которыми раскрывает доселе неизвестные факты как биографии писателя, так и его творческих замыслов.

Из переписки М.А. Булгакова с родными следует выделить 26 писем, написанных с 1914-го по 1923 год, 5 писем Л.Е. Белозерской, 63 письма Е.С. Булгаковой и 4 письма младшей сестре Е.А. Булгаковой (в замужестве Светлаевой). Очень важный для становления писателя, ранний период жизни отражён в первых письмах к родным, заслуга сохранения которых всецело принадлежит сестре Булгакова, Н.А. Булгаковой-Земской. «Ещё в юности, курсисткой-филологом Н.А. Булгакова начала собирать семейный архив, включая в него свои дневники и семейную переписку. Письма брата, талантливость которого была ею рано осознана, она сохраняла особенно тщательно, на протяжении десятилетий переводя их из города в город, с квартиры на квартиру».² Киев, Вязьма, Владикавказ, Тифлис, Батум, Москва - такова география писем молодого Булгакова, в которых постепенно начинают обрисовываться черты будущего великого писателя. В своих работах исследователи творчества писателя неоднократно отмечали характерную особенность семьи Булгаковых: необычайную сплочённость и заботу друг о друге, которая уже с детства проявлялась в них. В письмах к сёстрам: Наде, Вере и Лене, двоюродному брату Константину, матери Варваре Михайловне, Булгаков предстаёт как чуткий друг, любящий сын и

заботливый брат : «Надя, обращаюсь к тебе с просьбой: пиши мне почаще. Для меня письма близких в это время представляют большое утешение».³

Объединение семьи Булгаковых, разбегавшейся после 1917 года по разным концам России и зарубежья, становится главной заботой писателя. «Дорогая Вера, я очень обрадовался, узнав, что ты в Киеве. Моя мечта, чтобы наши все осели бы, наконец, в Киеве. Моё единственное желание, чтобы твой приезд был не к разладу между нашими, а, наоборот, связал бы киевлян. Вот почему я так обрадовался, прочитавши слова «дружной семьёй». Это всем нам - самое главное».⁴

Письма к родным передают плачевное состояние, которое в первые московские годы вынужден был влачить покончивший с врачебным прошлым новоиспечённый сотрудник «покойного «Русского слова»». Булгаков живёт в Москве: без денег, без крова, разрываясь сразу на нескольких работах (в ЛИТО, в газете «Рабочий», в журнале «Накануне», в «Гудке»). Положение писателя усугублялось ещё и тем, что провозглашённая в стране Новая экономическая политика, повлекла за собой сумасшедший взлёт цен на продукты: «Уж очень устал. Бегаешь как собака, а питаешься только картошкой».⁵ С присущей себе журналистской скупулёзностью, писатель в каждом письме подробно описывает свою жизнь, приводя разные статистические данные, начиная со стоимости хлеба (чёрный хлеб 4600 р.фунт, белый 14000), заканчивая неудачно купленными ботинками, которые, на самом деле, оказались не американскими, а советскими, с подошвой из картона. С большой любовью и заботой Булгаков отзывается также о Т.Н. Лаппа (первой своей супруге), называя её своей единственной помощницей: «Таськина помощь для меня не поддается учёту, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам».⁶

Особый интерес вызывают письма, написанные из Вязьмы, Владикавказа, Тбилиси. Они единственные, в своём роде, описывают процесс становления молодого писателя, его переживания, стремление уехать за границу, первое литературное фиаско, связанное с пьесами «Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи» и «Сыновья муллы», из которых сохранилась только последняя: остальные писатель «отправил в печку» (полный текст пьесы «Сыновья муллы» см. «Новая булгаковская энциклопедия», М.2000г.). После 1923 года сохранилось всего несколько писем Булгакова к родным. М.О.Чудакова и Л.Яновская склонны считать, что спад во взаимоотношениях с родными связан с появлением в жизни писателя второй жены, Л.Е. Белозёрской.

Последней из родных, кому Булгаков писал письма, была его младшая сестра Елена Афанасьевна Булгакова (в замужестве Светлаева), к которой он был очень привязан и любил больше всех. Фактически, из всей большой семьи Булгаковых перед смертью около писателя находилась только Елена Афанасьевна. Живя неподалёку от Нащокинского переуллка, она часто навещала больного и была своеобразным семейным связным. Письма свидетельствуют о тяжёлом физическом положении Булгакова: все они написаны рукою Елены Сергеевны с подписью-автографами писателя: «Леля, голубчик, пишу вам по просьбе Миши, и от себя: позвоните. Миша чувствует себя хуже, опять начались его головные боли, и прибавились ещё боли в желудке».⁷

Сохранившиеся пять писем к Л.Е. Белозерской - лишь малая крупица переписки писателя со второй женой. К сожалению, сегодня нам известны лишь эти документы. Есть предположения о наличии других писем, которые могли бы пролить дополнительный свет на самый плодотворный и самый трагический период жизни Булгакова. Письма к Л.Е. Белозерской написаны в лёгком, ироническом тоне и, скорее, напоминают путевые заметки. «Дорогой «Топсон» (это одно из многочисленных прозвищ Любови Евгеньевны). Еду благополучно и доволен, что вижу Украину. Питаюсь чаем и видами. Пожалуйста, «ангел», сходи к Бычкову-портному, чтобы поберёг костюм мой. Буду мерить по приезду». Большое внимание в письмах Булгаков уделяет своим домашним животным: «Привет домашним, в том числе и котам. Надеюсь, что к моему приезду второго уже не будет (продай его в рабство)... Как Бутон?»⁸ У Булгаковых дома жили кошка Флюшка и пёс Бутон. Обоих принесла Л.Е.Белозерская: Флюшку она нашла на Арбате, а Бутона ей подсунули на рынке. Эти животные и стали прототипами героев произведений Булгакова. Волшебный озорник Бегемот из романа «Мастер и Маргарита», по определению самого писателя: «лучший кот, какой существовал когда-либо в мире» - это и есть озорной котёнок Флюшка. Пёс Бутон же был назван в честь слуги Мольера. По словам Л.Е.Белозерской, Булгаков очень любил пса: сохранилось несколько портретов, нарисованных его рукой. Писатель даже прикрепил дощечку к дверям квартиры с надписью «Бутон Булгаков». Однако вскоре её пришлось снять: в домуправлении начали подозревать будто Булгаковы прописали к себе нового родственника. Письма к Л.Е.Белозерской, содержащие подробный рассказ о жизни домашних животных, как и написанная в слащаво-идиллических тонах книга «Воспоминаний» Л.Е.Белозерской, не позволяют в достаточной мере оценить

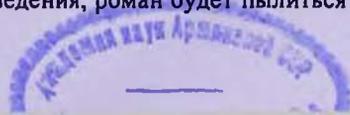
характер и глубину взаимоотношений между супругами. Не однозначны, но в общем отрицательны трактовки образа Любви Евгеньевны известными исследователями творчества писателя. В.Петелин, опираясь в основном на воспоминания Ю.Слѣзкина, представляет её как женщину «избалованную» и «самовлюблённую». М.О.Чудакова вообще воздерживается от каких-либо комментариев по этому поводу. Наибольшей критики Л.Е.Белозерская подвергается в книге С.Ермолинского «Из записок разных лет» (М.1990 г.). Автор обвиняет её в том, что как только у Булгакова наступили тяжёлые времена, и он больше не мог нигде печататься, она просто «бросила его, как неинтересную игрушку», вновь заявив о себе, когда к писателю пришла мировая известность: «А вот письма Любви Евгеньевны меня огорчили: не содержанием, а тоном. Появилась новая «вдова» писателя, вдруг засуетившаяся. Она заявляла и о своих правах на безапелляционное суждение. Первое письмо было подписано – Л.Е.Белозерская, второе – Л.Е.Белозерская – Булгакова».⁹ Сам Ермолинский был в свою очередь раскритикован Л.Е.Белозерской, которая называет воспоминания автора о Булгакове «нескромной, двуличной, дешёвой литературовщиной».

Все 63 письма к Е.С.Булгаковой (третьей жене писателя) были написаны летом 1938 года. В конце мая Елена Сергеевна уехала с младшим сыном Сергеем на отдых в Лебедянь. Это была её первая разлука с писателем со дня их совместной жизни. Тематически письма в Лебедянь можно разделить на три части.

1. Бесконечная, всепоглощающая, полная трепета и забот любовь писателя к Елене Сергеевне.
2. Работа над романом «Мастер и Маргарита».
3. Работа над пьесой «Дон Кихот».

Подробно рассказывая о своей жизни в Москве, Булгаков в каждом письме обязательно затрагивает тему здоровья Елены Сергеевны и наставляет её всяческими советами. «Умоляю, отдыхай. Не думай ни о театрах, ни о Немировиче, ни о драматургах. Пусть лебедянское солнце будет над тобой как подсолнух, а подсолнух, как солнце».¹⁰ «Целую тебя крепко! Лю! Три раза тебе купаться нельзя! Сиди в тени и не изнурай себя базаром. Яйца купят и без тебя».¹¹

Письма очень точно передают рабочую атмосферу, царившую в квартире писателя. Поражает то упорство, с каким Булгаков работает над последним величайшим своим творением – «Мастером и Маргаритой», заведомо зная, что, как и остальные произведения, роман будет пылиться в

шкафу: «Что будет? – ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы».¹²

Работа над романом захватывает писателя настолько, что на страницах писем иногда появляются его герои. «Сознайся, что ты поручила составление телеграммы коту Бегемоту! Он и устроил головоломку». «Это Коровьев или кот подшутил над тобой. Это регентовская работа».¹³

В письмах отразилась и бытовая сторона жизни писателя, который подробно рассказывает о встречах с писателем С.Ермолинским, драматургом Н.Эрдманом, описывает летнюю Москву, делится своими впечатлениями от посещения Сандуновских бань, жалуется, что не может найти необходимые документы для представления в коммунально-жилищную контору. Последние письма в Лебедев изобилуют литературными выдумками. Булгаков, всецело поглощённый работой над «Дон Кихотом», отправляет все письма на испанском языке, подписываясь добрым и славным кабальеро Мигуэлем: «С нынешнего дня тетрадь, ручка, лампа, чернила и хитроумный Идальго – вот и всё моё общество. К твоему возвращению я допишу пьесу. Санчо блистателен».¹⁴ Письма на испанском в дальнейшем чередуются с письмами на английском, итальянском, латинском, которые умиляют своей чистотой и преданностью. За всеми незначительными фразами и намёками скрывается большое, сильное чувство любви, чувство, во взаимности которого, до поры до времени, не сомневался не один исследователь творчества Булгакова. Однако, в последнее время в российской печати стали появляться различные издания, которые по-новому рассматривают роль и место Елены Сергеевны в жизни писателя. Сенсационными выглядят утверждения В.Шенталинского в книге «Рабы свободы: В литературных архивах КГБ» (М. 1995). Вот он пишет: «Краюшкин выдал мне ещё одну тайну Лубянки – секретное досье Булгакова, хранившееся там. Открылось, что органы не только хранили компромат на писателя и, надо думать, не из любопытства, а чтобы держать «на крючке» до конца жизни, – но и завели на него специальное досье».¹⁵ Как отмечает автор книги, в этом досье он нашёл много интересной информации, в том числе, и написанные рукой Елены Сергеевны, донесения на Булгакова, фотокопии которых приводятся в иллюстрированном разделе книги. По мнению В.Шенталинского, в отличие от большинства осведомителей из окружения Булгакова, скажем, сестры Елены Сергеевны, О.С.Бокшанской, её мужа Калужского, Елена Сергеевна не была «рядовым доносителем», а напрямую подчинялась шефу ОГПУ Генриху Ягоде,

который, в свою очередь, подробно докладывал о настроениях писателя Сталину.

Учитывая сохранившиеся дневниковые записи Елены Сергеевны, её воспоминания о Михаиле Афанасьевиче, трогательные, полные любви и тоски, письма «на тот свет», написанные после его смерти, а также её активную деятельность по изданию произведений Булгакова в СССР и за границей, можно предположить, что Елена Сергеевна действовала с согласия писателя и, став «двойным агентом», во многом своими донесениями сохранила жизнь Булгакову в тяжёлые 30-е годы репрессий и чисток. Это всего лишь предположение, ничем не обоснованное, но, согласитесь, что доля истины здесь всё же присутствует, тем более учитывая натуру Булгакова-игрока. Наличие своего человека, двойника в составе спецслужбы противника – высшая планка профессионализма для любой контрразведки. Похоже, у Булгакова были все предпосылки, чтобы неплохо овладеть таким мастерством.

Примечания

¹Булгаков М.А. Белая гвардия, М.1991, с.54.

²Гудкова В.В. Собр. соч. М.Булгакова в пяти т., т.5,с.671.

³Булгаков М.А. Письма, М. 1989, с.36.

⁴Там же, с.58.

⁵Там же, с.57.

⁶Там же, с.57.

⁷Там же, с.484.

⁸Белозерская Л.Е. Воспоминания, М.1989, с.160.

⁹Ермолинский С. Из записок разных лет. М.1990, с.103.

¹⁰Булгаков М.А. Собр.соч. в пяти т.. М.1990, сс.560,561.

¹¹Там же, сс.568,569.

¹²Там же, с.571.

¹³Там же, сс.585,565.

¹⁴Там же, с.581.

¹⁵Шенталинский В. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ, М.1995, с.56.